

Отечественная война 1812 года

Международный контекст

© 2012 г. А. А. ОРЛОВ *

ИСТОРИЯ ПОДГОТОВКИ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ АНГЛО-РУССКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА 6(18) ИЮЛЯ 1812 ГОДА

25 июня (7 июля) 1807 г. в прусском городе Тильзит Россия заключила с Францией договоры о мире и о союзе¹, которые через два дня были ратифицированы монархами обеих стран. Россия обязывалась действовать сообща с Францией против любой державы, находящейся в состоянии войны с последней. Это неизбежно сталкивало ее с Великобританией. Правда, обязательство о ведении военных действий было сформулировано весьма туманно, и в дальнейшем Александр I имел возможность максимально уклоняться от невыгодной для него войны. Более тяжелыми по последствиям оказались 4 и 5 статьи союзного договора, согласно которым Россия брала на себя посредничество в примирении Лондона и Парижа на условиях отмены «морского кодекса»² и возвращения Франции и ее союзникам всех отнятых у них с 1805 г. земель. Английскому королю Георгу III, в свою очередь, обещали вернуть курфюршество Ганновер (ст. 7). Великобритания должна была принять эти предложения до 1 ноября (н.ст.) 1807 г., в противном случае Россия обязывалась ровно через месяц примкнуть к системе континентальной блокады и пригласить Данию, Швецию и Португалию сделать то же самое под угрозой совместного с Францией нападения на них.

Подписывая тильзитские договоры, Александр I рассчитывал получить поддержку в определенных кругах русского дворянства и купечества. Предполагалось, что отечественные производители, пользуясь высокими ценами и устранением конкурентов, начнут снабжать потребителей своими товарами³. В правящих кругах России, в частности, у министра иностранных дел (и до 1811 г. министра коммерции) гр. Н.П. Румянцева существовали планы переориентации русской внешней торговли на Францию и зависимые от нее государства. Однако значительная часть русского общества была возмущена Тильзитским миром⁴. По словам известного журналиста и литератора Ф.В. Булгарина, «война с Англией не могла возбудить энтузиазма, не представляя никаких польз и видов, и лишая нас выгод торговли»⁵. Н.М. Карамзин в представленной императору в марте 1811 г. «Записке о древней и новой России» отмечал: не следовало принимать другого мира, «кроме честного, без всякого обязательства расторгнуть выгодные для нас торговые связи с Англией»⁶. Возмущенный до глубины души бывший посол в Лондоне (после отставки в 1806 г. оставшийся жить в Англии) гр. С.Р. Воронцов в письме к сыну М.С. Воронцову, отправленном 1 октября (19 сентября), предлагал сановникам, подписавшим тексты тильзитских договоров, совершить торжественный въезд в Петербург на ослах⁷.

* Орлов Александр Анатольевич, доктор исторических наук, профессор Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова.

Тильзитский союз представлял значительную опасность и для Великобритании. Поэтому торийское правительство У.Г. Кавендиша герцога Портленда, не собираясь прекращать войну против Франции, решило блокировать балтийское побережье для того, чтобы максимально затруднить морскую торговлю Пруссии и России, но постоянно демонстрировало стремление восстановить политические отношения с ними. В Лондоне знали о существовании в России достаточно крупной, но аморфной и не объединенной никакой положительной целью антиильзитской группировки и хотели всеми способами оказать ей поддержку. В то же время Великобритания, опасаясь присоединения Дании к Тильзитскому союзу, нанесла превентивный удар по Копенгагену⁸.

Нападение на Копенгаген и отказ от мирных переговоров с Францией привели к разрыву англо-русских отношений. 24 октября 1807 г. была обнародована декларация Александра I, в которой Великобритания обвинялась в постоянных нарушениях союзнических обязательств, в том, что она посылала войска куда угодно (к Буэнос-Айресу или в Египет), но только не на помощь союзникам⁹. Тем не менее декларация заканчивалась выражением надежды на примирение с Великобританией, если та пойдет на мир с Францией. 28 октября 1807 г. последовал указ Александра I о наложении эмбарго на британские суда и товары и запрещении британским подданным, проживающим в России, распоряжаться своим недвижимым имуществом¹⁰. Указы от 24 и 28 октября юридически оформили вступление России (впервые за весь период двусторонних контактов) в войну с Великобританией. Дореволюционный историк Н.Ф. Дубровин образно назвал ее «бездымной войной», поскольку в ней не могло быть крупных сражений на суше¹¹. Но, как говорилось выше, она болезненно переживалась населением России, так как наносила серьезный удар по морской торговле и финансам государства.

В ноябре 1807 г. британские министры ответили тильзитским союзникам изданием правительственных постановлений (*orders in council*)¹², инициатором принятия которых стал министр иностранных дел Дж. Каннинг. Всем нейтральным странам запрещалось торговать с врагами Великобритании под страхом конфискации корабля и груза. Исключение делалось только для капитанов кораблей, приводивших свои суда в какой-либо британский порт, и заплативших там все установленные налоги и пошлины. Наполеон был, по словам Е.В. Тарле, «в высшей степени раздражен» этими мероприятиями и готовил контрмеры. 23(11) ноября и 17(5) декабря 1807 г. в Милане он подписал декреты, усиливавшие континентальную блокаду и являвшиеся, по его выражению, справедливым ответом «на варварскую систему, усвоенную английским правительством»¹³. Франко-британское противостояние нарушило всю систему международных коммерческих связей, больно ударив по морской торговле нейтральных стран, прежде всего, США. Тогда, по существу, имело место переплетение разных видов блокады – «самоблокады» Европы, провозглашенной Наполеоном в 1806 г., захвата торговых судов в открытом море британским флотом и формально действовавшего в США с 1808 по 1810 г. эмбарго на выход торговых судов в Европу¹⁴. Это негативно отразилось на экономике самой Франции и ее сателлитов. Великобритания же получила возможность практически монопольно распоряжаться на мировом рынке морских перевозок и в колониях¹⁵.

Официальная политика Великобритании по отношению к России была оглашена в декларации от 18(6) декабря 1807 г.¹⁶ Как говорилось в документе, Британское правительство объявило, что утратило надежду на сохранение прежних связей, вступает в войну и посылает к русским берегам флот под командованием вице-адмирала баронета Дж. Саумареса (соратника Г. Нельсона). Британский флот полностью взял под контроль всю акваторию Северного и Балтийского морей. Британцы разоряли поселения на Кольском полуострове, в Архангельской губ. и в Прибалтике¹⁷, сжигали или уводили с собой рыболовные суда¹⁸, арестовывали грузы и почту¹⁹. Они захватывали в море немногочисленные русские торговые корабли, конфискуя их товары и беря в плен или высаживая на берег моряков²⁰. Морской торговле России грозил практически полный паралич. Надежды на оживление коммерческих связей с Францией, которая не

нуждалась в большей части предметов русского экспорта и не могла их вывозить из-за господства британцев на морях, не оправдывались.

После Тильзита деятельность британского правительства была направлена на то, чтобы постепенно, там, где это было возможно, пробивать бреши в системе блокады. В 1808 г., с началом войны на Пиренеях, спровоцированной самим Наполеоном, блокада была фактически уничтожена в Португалии и значительно ослаблена в Испании. Конечно, не всегда эта политика оказывалась удачной, случались и провалы. Государственный переворот в Швеции в марте 1809 г. устранил от власти Густава IV Адольфа, и страной управляла теперь дворянская группировка, заставившая нового короля Карла XIII обратиться за помощью к Франции. Однако это не нанесло катастрофического удара британской торговле по Северному и Балтийскому морям. Ее центр из шведских портов Ландскрона и Готенбург (совр. Гетеборг) переместился на бывший датский о. Гельголанд, лежащий напротив устьев рек Эльба и Везер. Британцы захватили его еще в 1807 г., перед нападением на Копенгаген. В 1809 г. Великобритания заключила мирный договор с Османской империей, что, вместе с изгнанием французов с Ионических островов, позволило британским купцам, используя турецких посредников, сбывать товары в Юго-Восточной и Центральной Европе. Таким образом из системы блокады оказались выбиты краеугольные камни (Пиренеи и Балканы), и во многом она потеряла свой смысл.

Чем более ослабевала блокада, тем настойчивее становились попытки Наполеона привязать к себе Россию. Он упорно не хотел отказываться от силовых методов в экономике, будучи уверен или желая быть уверенным в неумолимом приближении гибели своего главного врага. Впрочем, император сам иногда сомневался в действенности блокады. Больше всего об этом свидетельствует позволение с 1809 г. ограниченно ввозить британские товары во Францию в обмен на вывоз эквивалентного количества французских товаров (так называемая система лицензий)²¹. Тем не менее Наполеон считал, что если Лондон еще держится, так это потому, что союзники Франции, и в первую очередь Россия, допускают нарушения правил блокады. Через посла в Петербурге генерала А.О. Коленкура он постоянно напоминал русскому императору о необходимости усиления борьбы с Великобританией²².

С течением времени сохранение союза с Францией требовало от России все больших жертв. Наполеон настоял на разрыве русско-шведских отношений²³. Это породило новый всплеск недовольства среди подданных Александра I. 20 марта 1808 г. последовал указ о запрете доставления в Россию, как по морю, так и по суше британских мануфактурных товаров независимо от того, доставили ли их торговцы любой национальности или они были взяты в качестве военной добычи²⁴. Если такие товары все же оказались на российской территории, они должны были высылаться «в ближайшее заграничное место» в срок от 3 дней до 2 недель. Всем русским кораблям, находившимся в британских портах, было приказано вернуться домой без груза.

Насколько серьезно эти запретительные меры повлияли на уничтожение англо-русской торговли? Вопреки указу от 20 марта 1808 г. ввоз британских товаров в Россию, правда, не в той степени, что раньше, продолжался с помощью «нейтральной торговли», т.е. купцами нейтральных государств. Под флагом США в русские порты заходили и британские суда. Такие факты до поры до времени можно было скрывать от французских дипломатов, поскольку заметить разницу между американским и британским кораблем было практически невозможно. Для русского правительства это в определенной степени был выход из положения, так как в тильзитских договорах ничего не говорилось о запрещении торговли с нейтральными странами, на что и ссылался Александр I, когда французская сторона предъявляла ему претензии по поводу появления британских товаров в России²⁵.

Россия нуждалась в восстановлении англо-русской торговли в полном объеме, а Великобритания нуждалась в содействии Александра I в деле успешной борьбы с Наполеоном. Поэтому Лондон не решился на ведение крупномасштабных военных действий. Правда, было бы неверно утверждать, что в этой войне русские и британские

вооруженные силы никогда не сталкивались между собой. Были отдельные жестокие и кровопролитные схватки на море, были убитые, раненые и взятые в плен²⁶, были, как говорилось выше, разоренные поселения и ограбленные мирные жители. Но все перевешивало обоюдное желание сохранить возможность примирения в будущем.

В конце 1808 – начале 1809 г., как и надеялись в Лондоне, начинают появляться первые признаки охлаждения между Россией и Францией. Для Наполеона это было очень опасное явление, так как именно тогда он получил информацию об активном вооружении Австрии, готовившейся к войне с ним при поддержке Великобритании. Тревожные вести о народных волнениях поступали из Пруссии. Восстание против французского господства в Испании разворачивалось все шире. Это были первые, пока еще слабые признаки внутренней непрочности созданной Наполеоном европейской системы, которые, однако, со временем грозили перерасти в катастрофу.

Наполеон предложил Александру I устроить новую личную встречу. Это, по его замыслу, позволило бы укрепить союз с Россией, привести к покорности Австрию и Пруссию и продемонстрировать Великобритании существование единого фронта континентальных государств. Встреча была назначена в Эрфурте и проходила с 15(27) сентября по 2(14) октября 1808 г.²⁷ Но, вопреки ожиданиям, в Эрфурте Наполеон увидел совсем не того мягкого и уступчивого Александра I, каким тот был в Тильзите. Встреча проходила во взаимной острой борьбе и, несмотря на все усилия, русская сторона согласилась включить в текст подписанной 30 сентября (12 октября) 1808 г. конвенции лишь туманное обещание содействовать Франции в случае войны с Австрией²⁸. За это Россия получила право на занятие Финляндии и Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии).

Тем не менее даже видимость поддержки России позволила Наполеону укрепить пошатнувшиеся позиции. В ноябре–декабре 1808 г. ему удалось разгромить британские и испанские войска при Бургосе, Сомо-Сьерра и Ретиро, захватив занятый ими Мадрид, и восстановить своего брата короля Жозефа Бонапарта на испанском троне. Но пока он действовал в Испании, против него была создана пятая коалиция в составе Великобритании и Австрии. К весне 1809 г. Австрия на британские деньги (4 млн фунтов стерлингов) вооружила 310-тысячную армию, и в апреле ее войска вторглись одновременно в Баварию, Северную Италию и герцогство Варшавское. Наполеон, срочно возвратившийся из Испании, сумел разбить австрийцев по частям и занять Вену. Окончательную же точку в войне поставила победа французов при Ваграме 5–6 июля 1809 г. 14 октября во дворце австрийского императора Франца I Шенбрунн был подписан мирный договор. По его условиям Австрия обязалась разорвать все связи с Великобританией, присоединиться к блокаде, выплатить 85 млн франков контрибуции, сократить армию до 150 тыс. человек, а также уступить Иллирийские провинции Франции, почти всю Галицию герцогству Варшавскому, а Тарнопольский уезд – России²⁹. Александру I удалось ограничиться символической помощью Наполеону, отправив на русско-австрийскую границу корпус генерала кн. С.Ф. Голицына, не принимавший активного участия в боевых действиях³⁰.

Ваграм и Шенбрунн означали конец пятой коалиции. Безуспешной оказалась и организованная в июле 1809 г. Великобританией экспедиция против Антверпена на р. Шельде³¹. Провал экспедиции привел к отставке кабинета Портленда. Каннинг обвинил военного министра лорда Каслри в неспособности организовать вообще какую-либо успешную операцию. Ссора между ними закончилась дуэлью, ранением Каслри и отставкой Каннинга, вместе с которым ушел и Портленд³². Войска генерала А. Уэллсли (в будущем герцога Веллингтона) вынуждены были отступить из Испании в Португалию под напором армии маршала Н. Сульта. Мощь империи Наполеона, казалось, возросла неимоверно. Среди британцев стали проявляться отчаяние и панические настроения³³. Однако в целом население Великобритании поддержало курс на продолжение войны, о чем свидетельствует сохранение власти в руках «твердых» тори. Новое правительство страны возглавили премьер-министр С. Персеваль и министр иностранных дел маркиз Р.К. Уэллсли (старший брат А. Уэллсли).

От британских политиков не укрылось, что Франция не меньше, а может быть и больше, чем Великобритания страдала от блокады. В Лондоне также заметили, что кампания 1809 г., выигранная Наполеоном с большим трудом, не привела к подавлению всех очагов сопротивления в Европе, как случалось раньше. Напротив, разгромив Австрию, он столкнулся с отчужденностью России, недовольной увеличением территории герцогства Варшавского, с пробуждением национального духа в германских государствах и с усилением партизанской войны в Испании. Все это во многом перевешивало результаты победы³⁴.

Отношения с Россией были испорчены еще больше в конце 1809 – начале 1810 г. неудачным сватовством Наполеона к сестрам Александра I. В дальнейшем русско-французские противоречия неуклонно нарастали. Это, как правило, было обусловлено агрессивными действиями Наполеона. 13(1) декабря 1810 г. за нарушение правил блокады он аннексировал, наряду с несколькими другими германскими государствами, герцогство Ольденбургское. Этим Русскому императорскому дому, состоявшему в родстве с принцами Ольденбургскими, было нанесено личное оскорбление. Но что более важно, вся Европа окончательно убедилась в неравноправии тильзитских союзников. Французский император провоцировал Александра I на то, чтобы тот первым начал войну. В Петербурге понимали всю гибельность подобного шага. В проекте инструкции послу в Берлине гр. Х.А. Ливену, датированном 7 февраля 1811 г., царь предлагал заявить прусским властям: «мы решились всеми мерами избегать разрыва с Францией, и ни в коем случае не будем зачинщиками войны»³⁵.

Новая фаза борьбы началась после введения в России 19 декабря 1810 г. таможенно-го тарифа, по которому значительно повышались пошлины на большинство импортных товаров³⁶. Изданное тогда же положение о нейтральной торговле на 1811 г. облегчало доступ в Россию кораблей нейтральных стран³⁷. Эти меры стали ответом на введение во Франции системы лицензий. По французской торговле был нанесен сильный удар, так как особенно значительно пошлины повышались на предметы роскоши и вина. Французское правительство резко протестовало против этого. Министр иностранных дел герцог Кадорский просил посла в Париже кн. А.Б. Куракина выяснить, нельзя ли сделать в тарифе исключение для Франции. Посол обещал довести просьбу до сведения Александра I, но заметил, что по его личному мнению, в ней будет отказано³⁸. Из Парижа вновь посыпались обвинения в тайной приверженности России к Великобритании. В ответ на это русское правительство в очередной раз убеждало Наполеона: условия блокады будут строго соблюдаться³⁹. Франция, со своей стороны, требовала доказательств – ужесточения правил нейтральной торговли и допуска французских таможенных чиновников в русские порты. Наполеон отбросил всякую сдержанность и вел себя как диктатор. Его политическая линия казалась беспримысливой. Или русский император уступит, и его сопротивление будет подавлено, или начнет войну и тогда он – главный нарушитель мира, заслуживающий наказания. Пример Австрии еще был у всех перед глазами.

Александр I противопоставил грубому давлению тактику уступок на словах и игнорирования требований Наполеона на деле. Выбор правящих кругов России оказался, естественно, не в пользу Франции. Желая избежать торгового и финансового краха, царь начинал все более благосклонно относиться к идее восстановления связей с Великобританией. Первым шагом стало значительное смягчение наказаний за нарушение правил блокады. Это свидетельствовало о том, что у Тильзитского союза нет будущего. Он оказался бесперспективен и в экономическом и в политическом плане. Великобритания с трудом, но выдержала все строгости блокады. Однако для морской торговли и финансовой системы России это была катастрофа. Александр I мог столкнуться с ростом оппозиции дворянства, как то случилось с его отцом Павлом I. Император просто из чувства самосохранения должен был отказаться от союза с Францией. Кроме того, этот союз не предоставлял ему ни малейшей возможности реализовать идею о создании в Европе новой системы коллективной безопасности⁴⁰. Поэтому к началу 1812 г. он твердо решил на разрыв с Наполеоном. Тем не менее Александр I не хотел начинать

войну первым, желая продемонстрировать европейскому общественному мнению агрессивную сущность политики французского императора.

Наполеон почти не скрывал приготовлений к войне. Об этом свидетельствовал разыгранный им спектакль с якобы неожиданной вспышкой гнева по отношению к Куракину, как он всегда поступал с послом той страны, с которой решил воевать. 15(3) августа 1811 г. на торжественном приеме дипломатического корпуса в Тюильри по случаю своего дня рождения Наполеон обрушился на Куракина с упреками в том, что Россия полностью подчинилась влиянию Великобритании, которая хочет посорить союзников ради собственного возвышения. Россия погибнет, если будет рассчитывать на помощь британцев, утверждал он. Австрия и Пруссия не поддержат ее, обиженные аннексией пограничных областей. По той же причине не поможет и Швеция, желающая вернуть себе Финляндию, и Османская империя, не оставившая претензий на Закавказье. «Континент против вас! Не знаю, разобью ли я вас, но мы будем драться!»⁴¹, – такими словами Наполеон завершил свой монолог перед изумленным Куракиным. В Петербурге понимали: это один из последних дипломатических «выстрелов» перед началом войны. Ни Александра I, ни опытных русских дипломатов, по словам историка Н.И. Казакова, «не вводили в заблуждение известные актерские приемы Наполеона: умышленно выходя из себя, высказывать как бы с безудержной откровенностью свои мысли, чувства, расчеты и опасения»⁴². Не прошло мимо внимания Александра I и то, что разнос Куракина был менее жестоким, чем аналогичные нападения французского императора на других послов⁴³. Видимо, Наполеон осознавал: новая война с Россией потребует гораздо больших усилий, нежели все его предыдущие кампании.

В Париже решили на войну, и это оставило Александру I крайне мало времени для подготовки к ней. Необходимо было форсировать налаживание отношений с Великобританией. Каких-либо прямых контактов между двумя странами до этого момента, насколько известно, не существовало. Однако через бывшего неаполитанского посланника в Петербурге герцога А.М. Серра-Каприола, а также при помощи С.Р. Воронцова и давнего врага Наполеона К.О. Поццо ди Борго («пансионера Англии», по выражению Александра I) в Лондон в 1811 г. были переданы некоторые условия заключения мира. Русское правительство требовало от Великобритании прежде всего содействия в урегулировании конфликта с Османской империей и предоставления финансовой помощи⁴⁴.

Переговоры о заключении мира с турками с мая 1811 г. вели командующий Молдавской армией генерал от инфантерии М.И. Кутузов и бывший посланник в Константинополе А.Я. Италинский⁴⁵. Они попытались установить контакты с поверенным в делах Великобритании в турецкой столице молодым талантливым дипломатом Ч. Стрэтфордом Каннингом, племянником Дж. Каннинга. Сделать это можно было через Поццо ди Борго, который, по словам французского историка А. Вандаля, «уже целый год трудился над тем, чтобы приобрести ему (Александру I. – А.О.) доброе расположение британской миссии» в Константинополе⁴⁶. Поскольку указания из Лондона получали там с большим опозданием, Стрэтфорду Каннингу часто приходилось действовать на свой страх и риск, исходя из собственного понимания складывающейся ситуации. Естественно, что определяющим мотивом его действий была защита британских интересов на Ближнем Востоке и в Средней Азии от всех возможных конкурентов, в том числе и от России. Поэтому сначала он отказался пойти на контакт с русскими представителями⁴⁷.

Но несколько позже, понимая всю важность раскола Тильзитского союза, британский дипломат решил пренебречь формальностями и 7(19) февраля 1812 г. прямо написал Италинскому, что ввиду серьезности положения британская миссия готова способствовать заключению мира между Россией и Османской империей, которого Великобритания, по словам автора письма, всегда горячо желала. Стрэтфорд Каннинг утверждал: султан Махмуд II хочет мира, но не заключит его, если Россия будет настаивать на крупных территориальных уступках. С другой стороны, подчеркивалось в письме, скорейшее заключение мира между двумя империями значительно облегчило

бы примирение России с Великобританией⁴⁸. Посреднические усилия британского дипломата оказались весьма полезными, особенно «на последнем этапе русско-турецких переговоров, когда позиция турецких представителей фактически завела переговоры в тупик»⁴⁹.

4(16) марта 1812 г. Италинский сообщил Стрэтфорду Каннингу о том, что содержание его письма доведено до сведения Александра I и Кутузова, и заверил своего корреспондента в готовности поддерживать переписку⁵⁰. Русская сторона, желая как можно скорее заключить мир, согласилась ограничить территориальные требования и установить границу не по р. Серет, а по р. Прут. Это означало возвращение султану всей Молдавии и значительной части Валахии⁵¹. Кутузов, впрочем, не особенно верил в способность британцев склонить турок к миру, для чего необходимо было нейтрализовать активную деятельность французского посла генерала Ж.П. Латур-Мобура и австрийского посланника (интернунция) барона И.Л. Штюрмера. 30 марта 1812 г. он сообщал в Петербург: «хотя внушения аглинского министра (т.е. Стрэтфорда Каннинга. – *А.О.*) и ослабили несколько слухи о продолжении войны, но... не должно терять из виду того, что французская миссия, действуя с большею и силою и поспешностию, опровергнет внушения аглинской»⁵². Кутузов лично обсудил со Стрэтфордом Каннингом все насущные вопросы и убедился в том, что и британский дипломат «не считал невозможным, чтобы Порта заключила конвенцию с Францией»⁵³. Правда, в тот же день генерал получил известие о переговорах в Лондоне между поверенным в делах Османской империи и опытным британским дипломатом Р. Листоном, назначенным посланником в Константинополе, в ходе которых последний «объявил о данном ему поручении [правительства] способствовать заключению мира между Россией и Портой»⁵⁴.

Опасаясь успеха деятельности Латур-Мобура и Штюрмера, Стрэтфорд Каннинг решил активизировать контакты с Италинским. Для этого он в конце апреля 1812 г. направил в столицу Валахии Бухарест, где находилась штаб-квартира Кутузова, под видом туриста британского офицера Т. Гордона, который должен был не только доставить Италинскому письмо, но и сделать ему ряд важных устных заявлений. В письме, датированном 20(8) апреля, сообщалось о новых попытках Штюрмера привлечь Османскую империю к наполеоновскому блоку. Устные заявления были таковы: несмотря на «демарши и происки агентов Франции и других держав, придерживающихся ее системы, Порта, кажется, намерена не поддаваться им и оставаться самостоятельной в своих политических действиях, прежде всего в надежде на то, что ей удастся достичь соглашения с Россией, но... если война с этой державой должна будет продлиться, Порта, кажется, намерена прислушаться к предложениям Франции и Австрии»⁵⁵. Стрэтфорд Каннинг таким образом подталкивал русских представителей к заключению мира на турецких условиях. Гордон уехал из Бухареста 4(16) мая 1812 г., увозя с собой ответное письмо Италинского к Стрэтфорду Каннингу. В нем британскому дипломату предлагалось задуматься над следующим вопросом: если Османская империя не согласится с последними, весьма умеренными требованиями России, не нанесет ли это ущерб и интересам Великобритании?⁵⁶

Переговоры затягивались. Александр I был недоволен действиями Италинского и Кутузова, считая их слишком медленными и нерешительными. Он надеялся на заключение не только мира, но и союза с султаном, вынашивая планы совершения «диверсии на Балканах». Ее целью было в случае вторжения Наполеона в Россию с запада нанесение удара по Иллирийским провинциям, выход через них к побережью Адриатики и потом, при содействии британского флота, продвижение в Тироль и Швейцарию. Предполагалось, что Великобритания поможет народам Балкан оружием и операциями на море «для нападения на те места, к которым атака наша направлена будет... и чтобы блокирование Корфу было усилено, для прерывания всякого сообщения с турецким берегом»⁵⁷.

Британцы прекрасно понимали всю важность Балкан в европейской политике и даже при желании нормализовать отношения с Россией не собирались способствовать

укреплению ее позиций в данном регионе. В это время они сами посылали туда оружие и деньги⁵⁸, так как считали, что вторжение русских войск в турецкие владения неизбежно заставит султана искать защиты у Наполеона. Поэтому Листон в переписке с представителями Александра I утверждал: британский флот в данный момент не в состоянии поддержать операции на Балканах, а для организации подобного взаимодействия в будущем необходимо еще «многое обсудить и о многом договориться»⁵⁹. В конце концов, Александр I должен был отказаться от плана «диверсии на Балканах», поскольку в преддверии подписания мирного договора с Великобританией старался тщательно избегать любых осложнений в контактах с ней⁶⁰.

Император ратифицировал Бухарестский договор и отдельные секретные статьи к нему 11(23) июня 1812 г. Махмуд II ратифицировал только сам договор, но не секретные статьи, из-за чего они так никогда и не вступили в силу. В Петербурге очень надеялись на поддержку Листона, который побудит султана к новым уступкам, но эти надежды не оправдались. Листон, прибывший в Константинополь в середине июня 1812 г., не видел необходимости спешить с заключением союза России с Османской империей. Ему, также как и Стрэтфорду Каннингу, казалось излишним предоставление русским новых путей коммуникации с Закавказьем⁶¹. Поведение британских дипломатов в Константинополе доказывает, что Великобритания, желая содействовать России в заключении мира с Османской империей, в то же время ни в коем случае не хотела допустить усиления ее влияния на Ближнем Востоке и в Средней Азии. Ради этого Лондон стремился выступить гарантом Бухарестского договора. Но решительные действия Кутузова, трезво оценившего обстановку и пошедшего на уступки в территориальном вопросе, а также одобрение этих шагов со стороны Александра I привели к тому, что мир между двумя странами был подписан без участия Великобритании.

На севере Европы к союзу с Россией начала склоняться Швеция, которой с 21(9) августа 1810 г. вместо больного Карла XIII управлял кронпринц Карл Юхан (Ж.Б. Бернадот). Наполеон полагал, что бывший маршал станет его надежным союзником в борьбе с Великобританией и Россией. Но кронпринц вскоре убедился в гибельности курса на поддержку Франции, предполагавшего обязательное присоединение к блокаде. Поэтому он начал прощупывать возможности заключения союза как с Великобританией, так и с Россией. Британцы обещали ему защиту от Франции и возобновление торговли. Александр I, стремившийся закрепить за собой Финляндию, был не прочь содействовать Швеции в присоединении к ней Норвегии⁶². Однако в Лондоне и Стокгольме понимали: без участия России победить Наполеона невозможно. Поэтому в конце марта – начале апреля 1812 г. Карл Юхан через своего генерал-адъютанта гр. К.А. Левенгельма (Левенгельма) предложил Александру I посредничество в урегулировании отношений с Великобританией. Стороны быстро нашли общий язык, и 24 марта (5 апреля) 1812 г. между Россией и Швецией был заключен союзный договор⁶³. Это был единственный союзный договор, который Александру I удалось заключить перед войной 1812 г. Но за Швецией стояла Великобритания, и противники Франции надеялись на ее скорую и весомую военно-техническую и финансовую помощь, а также на содействие британского флота.

Швеция и Османская империя были для Наполеона потерянны. Тем большее значение он придавал укреплению союза с Пруссией и Австрией. Но эти государства, насильно втянутые в орбиту влияния Франции, казалось, были готовы прислушаться к предложениям России. Александр I, со своей стороны, старался расколоть блок враждебных держав. Осенью 1811 г. он отправил Ливену проект нового союзного договора с Пруссией⁶⁴. Однако прусский король Фридрих-Вильгельм III в последний момент отказался подписать его. Об этом, а также о намерении Пруссии вступить в союз с Францией, Александра I уведомил представитель короля полковник барон К.Ф. Кнезебек. Он прибыл в Петербург 2 февраля 1812 г. и во время приема у Румянцева представил ему подробную записку о нейтральной торговле, в которой Россия обвинялась в провоцировании недовольства Франции из-за нежелания бороться с британской контрабандой. При личной встрече с Кнезебеком император сам заговорил об этом, доказывая

необходимость для его страны нейтральной торговли и отвергая обвинения. «Я строго исполняю, — говорил он, — все условия договоров. Россия не имеет никаких сношений с Англией и не ведет никакой с нею торговли... Спросите купцов, спросите помещиков, до какой степени стеснена наша торговля к ущербу России. Стеснять ее еще более, запрещая нейтральную торговлю, и без того незначительную, невозможно. Я как государь имею обязанности в отношении к моему народу, и я не могу не соблюдать их». Отметив, что блокада, цель которой состоит в свободе морей, страдает от торговли России с американцами, а это обязательно вызовет войну с Францией, Кнезебек наивно предлагал послать для ее предотвращения очередного уполномоченного в Париж. «Во всяком случае, — отвечал император, — не я буду зачинщиком войны, потому что я не обязывался препятствовать нейтральной торговле. Народ имеет свои права, которые я обязан принимать во внимание, и первое из них есть право на существование. Уступать в этом случае, имея наготове войска, было бы слабостью. Теперь бесполезно даже было бы посылать уполномоченного в Париж: император Наполеон принял такое грозное положение, что эта попытка показалась бы исканием мира из страха войны»⁶⁵. Миссия Кнезебека окончилась безрезультатно, и имела только то значение, что в Пруссии узнали о твердом решении Александра I не уступать Наполеону. В то же время следует обратить внимание на либеральные высказывания императора о народных правах и обязанностях монарха (наследника Французской революции необходимо бить его же оружием). Это явное противопоставление грозным речам Наполеона, которые можно назвать окриками европейского диктатора.

24(12) февраля 1812 г. Фридрих-Вильгельм III заключил союз с Францией⁶⁶. Тогда же его правительство подписало с Наполеоном еще три тайных договора. Первый — о мере содействия Франции в войне с Россией, второй — об образе действий в отношении к Великобритании и третий — об обеспечении французских войск продовольствием при движении через Пруссию. Это, по выражению английского ученого Ч. Файфа, присоединило прусский народ «к тем бесславным толпам, которые сражались по приказу Наполеона против всего в Европе, что только продолжало сохранять свою национальную независимость»⁶⁷. 14(2) марта Наполеону удалось заключить союз с императором Францем I⁶⁸. Австрия обязалась выставить вспомогательный корпус (30 тыс. солдат при 60 пушках), за что ей были обещаны Молдавия и Валахия, возвращение Галиции или компенсация равнозначными территориями в другом месте. В договоре, в отличие от франко-прусского союза, особо оговаривалось: австрийские войска не будут использоваться ни в Испании, ни против Великобритании, но только против России.

Это стало еще одним серьезным ударом для Александра I. В отношениях с Австрией ему пришлось пережить даже большее разочарование. Выполняя обязательство держать договор с Францией в полной тайне, Франц I хранил молчание. Российский посланник в Вене гр. Г.О. Штакельберг и посол в Париже Куракин также ничего не знали об этом. Первое известие о подписании антироссийского франко-австрийского трактата пришло в Петербург от Карла Юхана⁶⁹. Однако и в этом случае Александр I мог увидеть выгодные для него симптомы недоверия к Наполеону. Министр иностранных дел Австрии кн. К.Л. Меттерних во время беседы со Штакельбергом 24(12) апреля 1812 г. обещал: численность австрийского корпуса не превысит 26 тыс. человек. Он также выразил готовность вступить в тайное соглашение о том, что австрийские войска в Галиции и Трансильвании не будут действовать против России⁷⁰. Александр I был вынужден согласиться на такой характер отношений⁷¹.

Накануне войны Наполеон попытался внести еще больший раскол в ряды своих врагов. 17(5) апреля 1812 г. новый французский министр иностранных дел герцог Бассано направил Каслри письмо, предложив Великобритании заключить мир с Францией. Лондон не только отказался от провокационного предложения, но сразу же через своего неофициального представителя в Стокгольме Э. Торнтон извещил о нем русские власти⁷². Тогда Наполеон в мае 1812 г. направил в Вильно генерал-адъютанта гр. Л. Нарбонна. Он должен был убедить русского императора в том, что в Париже искренне стремятся прийти к соглашению, и тем самым попытаться замаскировать во-

шедшую в завершающую стадию подготовку Франции к войне. Кроме того, Нарбонну было поручено передать Румянцеву ноту герцога Бассано с уведомлением о сделанном Великобритании мирном предложении. Французский император хотел таким образом посеять новые семена недоверия между Великобританией и Россией, а также доказать последней, «что все еще считает, что состоит в союзе с ней и что не нарушает статьи тильзитского договора, по которой России и Франции, без обоюдного согласия, воспрещается вступать в переговоры с Англией»⁷³. Миссия Нарбонна провалилась. Александр I настаивал: именно Наполеон не выполняет условий тильзитских соглашений и категорически отрицал наличие у него каких бы то ни было планов союза с Великобританией, хотя к этому времени сделал ей формальное предложение о мире.

Александр I и его окружение разрабатывали планы организации борьбы с Францией по всей территории Европы. В инструкции Румянцева русскому представителю в Швеции гр. П.К. Сухтелену от 12 апреля 1812 г., составленной на основе собственноручной записки императора, говорилось: Великобритания могла бы активно содействовать антифранцузскому движению на Балканах, Пиренейском полуострове и в Италии, на Средиземном море блокировать о. Корфу, в Голландии перекрыть устье р. Шельды и пролив Тексель, а также поддержать вторжение шведских войск в Голландию и Данию⁷⁴.

В течение весны 1812 г. признаки сближения России и Великобритании становились все более явными. Война с Францией надвигалась неотвратимо, и стороны стремились форсировать события. 6 апреля 1812 г. Александр I через министра морских военных сил адмирала маркиза И.И. де Траверсе отдал приказ не нападать на британские суда и не препятствовать их прибытию к берегу⁷⁵. 19(7) мая Каслри сообщил Торнтону: Саумаресу передано распоряжение Адмиралтейства о «разрешении всем русским кораблям стать под охрану Шведской команды (т.е. войск. – *А.О.*), чтобы не подвергнуться неприятностям от Английских крейсеров и принять меры, чтобы русским судам и военным кораблям было оказано величайшее внимание и покровительство»⁷⁶. Торнтон со своей стороны 4 июля (22 июня) 1812 г. рекомендовал Каслри срочно отдать аналогичные распоряжения командующим другими британскими эскадрами. Но события развивались столь стремительно, что времени на получение приказа из Лондона уже не оставалось. Поэтому 7 июля (25 июня) Торнтон сам направил командирам эскадр, крейсирующих в Северном море и у берегов Норвегии, просьбу «оказывать таковое же внимание и покровительство Главнокомандующим судами с.и.в., направляющимися из Архангельского порта в Балтийское море и Финский залив»⁷⁷. Предпринимались и первые попытки восстановления прямых экономических связей между двумя странами. Решением Комитета министров России от 10 апреля 1812 г. на два месяца был приостановлен вывоз хлеба из балтийских портов, что всегда указывает на близкое начало войны. 22 мая это постановление было продлено на неопределенное время⁷⁸. Торнтон обратился к русским уполномоченным в Стокгольме гр. П.К. Сухтелену и барону П.А. Николаи с предложением сделать для Великобритании исключение, и Александр I удовлетворил просьбу⁷⁹. 1 июля британским судам было разрешено загружаться зерном во всех русских портах с единственным условием, чтобы оно использовалось «на собственное употребление Англии, не обращая отнюдь оно во внешнюю торговлю»⁸⁰.

В разгар подготовки к войне в Великобритании разразился правительственный кризис. 11 мая (29 апреля) 1812 г. Персеваль был застрелен мелким торговцем Дж. Беллингемом⁸¹. Принц-регент Георг сделал попытку сформировать новый кабинет из представителей партии вигов. Для Александра I приход к власти вигов был крайне невыгоден. Император желал видеть в британском правительстве «твердых» тори. Поэтому он передавал в Лондон через третьих лиц, что хотел бы назначения на пост министра иностранных дел Каннинга или Р. Уэллсли. Александр I дал соответствующую инструкцию Сухтелену и Николаи, к этому времени уже ведущим переговоры с Торнтоном⁸². Император также выражал желание, чтобы в Стокгольм с необходимыми полномочиями был послан именно Р. Уэллсли⁸³.

В конце концов, в Великобритании был вновь сформирован торийский кабинет, но ключевые посты в нем заняли не те люди, на которых надеялись в России. Премьер-министром стал лорд Ливерпуль, человек, по характеристике английского историка Д.Р. Грина, не особенно способный, но обладавший замечательным искусством примирять несогласие товарищей⁸⁴. Министром иностранных дел назначили Каслри, собиравшегося единолично руководить внешней политикой Великобритании⁸⁵. Первым его делом на посту министра была отмена 23(11) июня 1812 г. правительственных постановлений, принятых по предложению Каннинга. С помощью этого Каслри хотел добиться примирения с США, однако благоприятный момент был уже упущен⁸⁶. 18(6) июня, всего за шесть дней до вторжения армии Наполеона в Россию, Конгресс США объявил Великобритании войну. Американо-британский конфликт объективно играл на руку Франции и был еще одной серьезной неудачей для ее противников. Русская дипломатия пыталась предотвратить разрыв, но все попытки закончились безуспешно⁸⁷, поскольку Каслри не принял посредничества.

К этому времени Александр I уже выработал позицию по вопросу об отношениях с Великобританией и Францией. 11 июня 1812 г. он писал своей сестре вел. кн. Екатерине Павловне: «Я надеюсь в скором времени известить Вас о мире с Англией, но пока – никому ни слова»⁸⁸. Совершить поворот во внешней политике императору помогло и то, что общественное мнение России в целом было уже подготовлено к такой перемене. Былые надежды на развитие отечественной промышленности и торговли под защитой блокады совершенно испарились. Представители самых разных слоев населения (больше всего, конечно, купечество) открыто выражали радость по поводу сближения с Великобританией.

Однако, несмотря на ясно обозначившееся обоюдное стремление России и Великобритании друг к другу, переговоры о заключении мирного договора шли достаточно трудно. Британское правительство сильно сомневалось в том, что Александр I сможет долго сопротивляться натиску со стороны Наполеона⁸⁹. Кроме того, оно настойчиво добивалось восстановления торговых отношений в том виде, как они существовали до начала войны 1807 г., т.е. без учета норм тарифа от 19 декабря 1810 г.⁹⁰ Русское правительство, со своей стороны, настаивало на том, чтобы до заключения договора Великобритания взяла на себя выплату «голландского долга»⁹¹, а также предоставила России помощь оружием и военным снаряжением, а Швеции – необходимые для ведения войны субсидии⁹².

Окончательную точку в этих спорах поставило только вторжение 12(24) июня 1812 г. войск Наполеона в Россию. Александр I, оказавшийся в крайне тяжелом положении, отказался от требований, неприемлемых для британцев, и пошел на заключение мира без всяких предварительных условий. 2(14) июля он отправил из Дрисского лагеря личное письмо принцу-регенту Георгу. «Это последняя и решительная борьба независимости против порабощения, либеральных идей против системы тирании», – утверждалось в нем. Царь считал необходимым создать коалицию в составе России, Англии, Швеции, Испании, Португалии, Сицилии (оставшейся независимой от Франции части Неаполитанского королевства) и Турции. «Все, что будет сделано для этой цели, будет прекрасно, все, что может помешать или задержать ее достижение, станет подлинным злом для общего дела», – писал Александр I. Он еще раз укорял Великобританию за «эгоизм», породивший, по его мнению, существующее положение дел, но выражал надежду на то, что в нынешней ситуации государства, борющиеся с Францией, будут руководствоваться иными соображениями. Зная о сомнениях лондонских политиков по поводу готовности России оказать действенное сопротивление Наполеону, он просил для своей страны только такой помощи, которая может обеспечить успех общего дела, но в то же время указывал, что Швеции британская поддержка совершенно необходима. Он «полон решимости бороться до последней крайности и как можно дольше вести эту борьбу»⁹³, – заверял принца-регента император в завершение письма.

6(18) июля 1812 г. в шведском городе Эребро (Эребру) англо-русский договор о мире, был, наконец, подписан⁹⁴. В тот же день был заключен и аналогичный шведско-

английский договор. Большинство исследователей расценивают это как несомненный успех противников Франции. Однако существует иной взгляд на данную проблему. Современный историк В.В. Рогинский, например, считает, что договор в Эребро можно в определенной степени рассматривать как неудачу русской дипломатии, не сумевшей добиться от Великобритании более активного участия в войне. Он отмечает, что ее пассивная позиция позволила и Швеции уклониться от выполнения условий русско-шведских договоров, и фактически сохранить нейтралитет в начавшейся борьбе⁹⁵. России также не удалось убедить Великобританию взять на себя выплату «голландского долга». Британские власти категорически отказались рассматривать это требование⁹⁶.

Как мне представляется, русская дипломатия при всем желании не могла сделать больше. Договор в Эребро – договор не только о мире, но фактически и о союзе, поскольку в его 3-ей статье говорилось о взаимопомощи в случае нападения враждебной державы на одну из сторон⁹⁷. Поскольку война уже шла, Александр I ожидал немедленной реализации данного положения. В то же время он не хотел допустить замены гегемонии Парижа гегемонией Лондона. Поэтому при заключении соглашения с кабинетом Ливерпула император первоначально выдвинул такие условия, которые позволили бы укрепить финансовую систему и армию его страны. Но в начале 1812 г. у Петербурга не было никаких реальных рычагов давления на Великобританию. В конце концов, Александр I отказался почти от всех требований, не настаивая ни на высадке британского десанта на континент, ни на предоставлении субсидий. Он ограничился единственной просьбой о присылке оружия. Не удалось ему реализовать и свой план создания новой коалиции.

Впереди у России была тяжелая война один на один с Наполеоном и не менее сложная дипломатическая борьба с британскими министрами, постоянно требовавшими доказательств ее готовности сражаться до полной победы над Францией. Все же договоры, подписанные в Эребро, стали каркасом шестой коалиции, которой удастся, наконец, сломить мощь наполеоновской империи.

Примечания

¹ Тексты договоров см.: Внешняя политика России XIX и начала XX в. Документы российского министерства иностранных дел (далее – ВПР). Сер. I. Т. III. М., 1963. № 257, 258. С. 637–642, 644–646.

² «Морской кодекс» обеспечивал Великобритании лидирующие позиции в мировой торговле. Одним из его первых правил было «право визита», т.е. такой порядок, при котором во время войны капитан любого британского военного корабля мог силой задержать в море нейтральное торговое судно и увести его в британский порт, если на нем была обнаружена военная контрабанда. Так как точного определения «военной контрабанды» не существовало, британцам открывались широкие возможности для различных злоупотреблений. Еще одним правилом кодекса была «бумажная блокада». Британские власти могли объявить (иногда просто на бумаге) любой порт враждебной страны находящимся в состоянии блокады. В таком случае британские корабли получали право захватывать все суда, пытавшиеся приблизиться к этому порту. См.: *Станиславская А.М.* Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798–1807 гг.). М., 1962. С. 156–157.

³ *Фирсов Н.Н.* 1812 год в социолого-психологическом освещении (общая характеристика). М., 1913. С. 57–58. Приложение 1.

⁴ Об этом подробнее см.: *Дубровин Н.Ф.* Русская жизнь в начале XIX в. // *Русская старина*. 1898. Т. 96. № 12. С. 493–513; *Пугачев В.В.* Отношение в России к Тильзитскому миру // *Ученые записки Молотовского государственного университета им. А.М. Горького*. Т. VIII. Вып. 2. Молотов [Пермь], 1953. С. 215–224; *Орлов А.А.* Документальное свидетельство о реакции русского общества на Тильзитский мир // *Вестник архивиста*. 2008. № 1. С. 269–293.

⁵ *Булгарин Ф.* Воспоминания Фаддея Булгарина. Отрывки из виденного, слышанного и испытанного в жизни. Ч. 3. СПб., 1847. С. 333.

⁶ *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 54.

⁷ *Архив князя Воронцова*. Кн. 17. М., 1880. № 97. С. 172.

⁸ Декларацию британского правительства от 25(13) сентября 1807 г., оправдывающую захват Копенгагена опасностью, которая исходит от Франции, см.: АВП РИ, ф. 133, оп. 468, д. 6810, т. 1, л. 374–375.

⁹ ПСЗ-I. Т. 29. № 22653. С. 1306–1308. Хранящийся в АВП РИ экземпляр декларации (на франц. яз.) датирован 26 октября (7 ноября) 1807 г. (ВПр. Сер. I. Т. IV. М., 1965. № 37. С. 98–101).

¹⁰ ПСЗ-I. Т. 29. № 22664. С. 1316.

¹¹ Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX в. // Русская старина. 1901. Т. 107. № 9. С. 449–450.

¹² «Приказ в совете» – закон, издаваемый от имени английского короля и его Тайного совета и прошедший через парламент без обсуждения. 11 ноября (29 сентября) 1807 г. были обнародованы три приказа. 25(13) ноября появились еще три приказа, развивающие положения первых документов.

¹³ Тарле Е.В. Континентальная блокада // он же. Сочинения в двенадцати томах. Т. III. М., 1958. С. 199.

¹⁴ Нарочницкий А.Л. Об историческом значении континентальной блокады // Новая и новейшая история. 1965. № 6. С. 53.

¹⁵ Сироткин В.Г. Континентальная блокада и русская экономика (Обзор французской и русской литературы) // Вопросы военной истории России XVIII и первой половины XIX в. М., 1969. С. 65.

¹⁶ АВП РИ, ф. 133, оп. 468, д. 6810, т. 2, л. 592–594; л. 615–629 об.

¹⁷ Там же, ф. 1, II-6 (1808 г.), д. 7, л. 66–66 об.; ф. 132, оп. 506, д. 1, л. 154; Ушаков И.Ф. Нападение английского военного флота на Мурман в 1809 г. // Историко-филологический сборник. Мурманск, 1959. С. 3–6.

¹⁸ АВП РИ, ф. 1, I-9 (1812 г.), д. 3, л. 100–101 об.; Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. Ч. IX. М., 1905. С. 119.

¹⁹ АВП РИ, ф. 1, II-5 (1809 г.), д. 10, л. 1–8; ф. 132, оп. 506, д. 54, л. 312 об.; ОР РНБ, ф. 152, оп. 1, д. 237, л. 3–5.

²⁰ АВП РИ, ф. 1, II-5 (1801 г.), д. 13, ч. I–IV; Булгарин Ф. Указ. соч. Ч. 6. СПб., 1849. С. 124; Орлов А.А. Два письма о судьбах российских моряков в Англии в 1809–1815 гг. // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы II научной конференции. Москва, 29 апреля 1999 г. М., 1999. С. 16–21.

²¹ О лицензиях см.: Тарле Е.В. Указ. соч. С. 223–232.

²² Николай Михайлович, вел. кн. Дипломатические сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808–1812 гг. Т. II. СПб., 1905. С. 225, 231, 253, 259, 270, 301.

²³ АВП РИ, ф. 161, I-10 (1808 г.), оп. 28 доп., д. 544, л. 5–7 об.

²⁴ ПСЗ-I. Т. 30. № 22908. С. 145.

²⁵ Об этом см.: Попов А.Н. Отечественная война 1812 года. Т. I. М., 1905. С. 35, 37, 60, 70–71, 76–77, 80–81, 162 и след.

²⁶ О сражениях между русским и британским флотами см.: Каллистов Н.Д. Флот в царствование императора Александра I // История русской армии и флота. Т. 9. М., 1913. С. 142–147; Джемс Д. История Великобританского флота от времен Французской революции по Наваринское сражение Т. V. Николаев, 1845. С. 12–18, 186–188; Jane F.T. The Imperial Russian Navy. It's Past, Present and Future. L., 1899. P. 124–126.

²⁷ Подробнее см.: Искюль С.Н. Эрфурт, осень 1808 г.: последнее свидание императоров // История в подробностях. 2011. № 12(18). С. 28–39.

²⁸ См.: Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. XIV. СПб., 1905. № 498. С. 68–73.

²⁹ Борисов Ю.В. Шарль Морис Талейран. Изд. 2. М., 1989. С. 247.

³⁰ О действиях, точнее бездействии корпуса Голицына, см.: Записки Ивана Степановича Жиркевича. 1789–1848 гг. // Русская старина. 1874. Т. 9. № 2. С. 242–244; Казаков Н.И. Тайна русской стратегии в австро-французской войне 1809 г. // История СССР. 1969. № 6. С. 63–80. Рапорты Голицына Александру I за май–сентябрь 1809 г. см.: РГВИА, ф. 410, оп. доп., д. 126, л. 1–16.

³¹ О британской экспедиции на о. Вальхерен см.: Сорель А. Европа и Французская революция. Т. 7. СПб., 1906. С. 310–312, 314–315, 317, 321; Джемс Д. Указ. соч. Т. V. 137–147.

³² Грин Д.Р. Краткая история английского народа. Вып. III. М., 1900. С. 377.

³³ Там же. С. 376, 377.

³⁴ Файф Ч.А. История Европы XIX века. Т. 1. М., 1889. С. 313–314, 317.

- ³⁵ Цит. по: *Попов А.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 389.
- ³⁶ ПСЗ-I. Т. 45. Книга тарифов. Раздел III. С. 58–62.
- ³⁷ Там же. Т. 31. № 24464. С. 486–492.
- ³⁸ ВПР. Сер. I. Т. VI. М., 1962. С. 683. Прим. 17.
- ³⁹ См.: *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XIV. С. 157, 163; *Вандаль А.* Наполеон и Александр I. Франко-русский союз во время Первой Империи. Т. III. СПб., 1913. С. 312, 367–368.
- ⁴⁰ Подробнее см.: *Орлов А.А.* Союз Петербурга и Лондона. Российско-британские отношения в эпоху наполеоновских войн. М., 2005. С. 12–15.
- ⁴¹ *Попов А.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 96, 101–102.
- ⁴² *Казаков Н.И.* Наполеон глазами его русских современников // Новая и новейшая история. 1970. № 3. С. 42.
- ⁴³ *Попов А.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 100. Прим.
- ⁴⁴ *Рогинский В.В.* Швеция и Россия. Союз 1812 года. М., 1978. С. 99; *Сироткин В.Г.* Дуэль двух дипломатий. Россия и Франция в 1801–1812 гг. М., 1966. С. 194–195.
- ⁴⁵ Об этом см.: *Шапкина А.Н.* Полководец М.И. Кутузов и Бухарестский мир // Российская дипломатия в портретах. М., 1992. С. 120–134.
- ⁴⁶ *Вандаль А.* Указ. соч. Т. III. С. 239.
- ⁴⁷ The Cambridge History of British Foreign Policy 1783–1919 (далее – CHBFP). Vol. I. 1783–1815. Cambridge, 1922. P. 599–602.
- ⁴⁸ ВПР. Сер. I. Т. VI. С. 736. Прим. 359.
- ⁴⁹ *Гулия Д.Г.* К истории восточного вопроса: Русско-турецкая война 1806–1812 гг. и Англия. Сухуми, 1978. С. 90.
- ⁵⁰ ВПР. Сер. I. Т. VI. С. 736. Прим. 360.
- ⁵¹ Там же. № 128. С. 316–317.
- ⁵² АВП РИ, ф. 132, оп. 506, д. 56, л. 129–129 об.
- ⁵³ Там же, л. 131–131 об.
- ⁵⁴ Там же, л. 132. См. также: ВПР. Сер. I. Т. VI. № 64. С. 170.
- ⁵⁵ ВПР. Сер. I. Т. VI. С. 737. Прим. 361.
- ⁵⁶ Там же. См. также: *Гулия Д.Г.* Указ. соч. С. 92–93.
- ⁵⁷ ВПР. Сер. I. Т. VI. № 145. С. 363–365. Подробнее см.: *Казаков Н.И.* Проект привлечения народов Балканского полуострова к борьбе против наполеоновской агрессии в 1812 г. // 1812 год. К столетию Отечественной войны. Сборник статей. М., 1962. С. 47–63.
- ⁵⁸ АВП РИ, ф. 132, оп. 506, д. 56, л. 152.
- ⁵⁹ ВПР. Сер. I. Т. VI. № 196. С. 482–486.
- ⁶⁰ Пять собственноручных писем Александра I в 1812 г. // Русская старина. 1902. Т. 109. № 1. С. 220–221.
- ⁶¹ АВП РИ, ф. 133, оп. 468, д. 2005, л. 7 об.
- ⁶² ВПР. Сер. I. Т. VI. № 111. С. 275. См. также: *Рогинский В.В.* Указ. соч. С. 79–80, 102, 104.
- ⁶³ ВПР. Сер. I. Т. VI. № 130. С. 324–328.
- ⁶⁴ См.: *Попов А.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 424–425. Черновик договора написан рукой Александра I.
- ⁶⁵ Цит. по: там же. С. 443–444. О посольстве Кнезебека см. также: ВПР. Сер. I. Т. VI. С. 725. Прим. 296.
- ⁶⁶ Подробнее см.: *Попов А.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 449–450.
- ⁶⁷ *Файф Ч.А.* Указ. соч. Т. I. С. 333.
- ⁶⁸ Подробнее см.: *Попов А.Н.* Указ. соч. Т. I. С. 481–482.
- ⁶⁹ Там же. С. 483. Карл Юхан сообщил об этом Сухтелену 19(31) марта 1812 г., и тот немедленно отправил донесение Румянцеву.
- ⁷⁰ Там же. С. 490.
- ⁷¹ Подробнее см.: Австро-русские отношения накануне и в период Отечественной войны 1812 года // Исторический архив. 1962. № 4. С. 95–120.
- ⁷² ВПР. Сер. I. Т. VI. № 157. С. 391–393.
- ⁷³ *Вандаль А.* Указ. соч. Т. III. С. 392. Подробнее о миссии Нарбонна см.: *Коленкур А. де.* Мемуары. Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 70–72.
- ⁷⁴ ВПР. Сер. I. Т. VI. № 150. С. 372–373.
- ⁷⁵ *Каллистов Н.Д.* Русский флот и двенадцатый год. (Роль и участие флота в Отечественной войне, в связи с циклом наполеоновских войн России). По архивным материалам. СПб., 1912. С. 51.
- ⁷⁶ РГА ВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 89, л. 24а. См. также: АВП РИ, ф. 132, оп. 506, д. 56, л. 162 об.
- ⁷⁷ РГА ВМФ, ф. 25, оп. 1, д. 89, л. 24а–24а об.

- ⁷⁸ ВПР. Сер. I. Т. VI. С. 367, 419.
- ⁷⁹ АВП РИ, ф. 133, оп. 468, д. 10822, л. 271–271 об.; д. 10825, л. 238–239, 283–283 об.; д. 10827, л. 88–88 об.
- ⁸⁰ Там же, ф. 1, П-3 (1812 г.), д. 3, л. 3–4.
- ⁸¹ О «деле Беллинггема» подробнее см.: *Walpole S.* The Life of R[igh]t Hon[orable] Spencer Perseval including His Correspondence with numerous distiguished persons. Vol. II. L., 1874. P. 295–300; *Орлов А.А.* Союз Петербурга и Лондона... С. 189–190.
- ⁸² ВПР. Сер. I. Т. VI. № 152. С. 375–376; С. 746. Прим. 417.
- ⁸³ Там же. № 151. С. 374.
- ⁸⁴ *Грин Д.Р.* Указ. соч. Вып. III. С. 383.
- ⁸⁵ *Webster Ch.K.* The Foreign Policy of Castlereagh 1812–1815. Britain and the Reconstruction of Europe. L., 1931. P. 20, 44–45.
- ⁸⁶ *Грин Д.Р.* Указ. соч. Вып. III. С. 383.
- ⁸⁷ ВПР. Сер. I. Т. VI. № 227. С. 541. Об этом подробнее см.: *Болховитинов Н.Н.* Становление русско-американских отношений, 1775–1815 гг. М., 1966. С. 515–562.
- ⁸⁸ Переписка императора Александра I с сестрой великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 35.
- ⁸⁹ ВПР. Сер. I. Т. VI. № 193. С. 473.
- ⁹⁰ Там же. № 175. С. 440.
- ⁹¹ Речь идет о долгах по займам, полученным российским правительством в Голландии в конце XVIII в., общая сумма которых к началу 1812 г. составил 87 600 тыс. гульденов.
- ⁹² ВПР. Сер. I. Т. VI. № 159. С. 398–399; *CHBFR*. Vol. I. P. 385, 595.
- ⁹³ ВПР. Сер. I. Т. VI. № 189. С. 465.
- ⁹⁴ ПСЗ-I. Т. 32. № 25177. С. 389–390; *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. XI. СПб., 1895. № 412. С. 162–165; ВПР. Сер. I. Т. VI. № 199. С. 491–493.
- ⁹⁵ *Рогинский В.В.* Указ. соч. С. 118, 158–159.
- ⁹⁶ *CHBFR*. Vol. I. P. 598–599.
- ⁹⁷ Противоположное мнение по этому вопросу см.: *Зак Л.А.* Англия и германская проблема (из дипломатической истории наполеоновских войн). М., 1963. С. 55–56.

© 2012 г. К. Б. ЖУЧКОВ*

«ВОЙНА К ОБОЮДНОЙ ПРИСТОЙНОСТИ»: ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ХОД РУССКО-АВСТРИЙСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ В КОНЦЕ 1812 – НАЧАЛЕ 1813 ГОДА

Во время преследования французской армии в конце 1812 г. перед М.И. Кутузовым встала задача нейтрализовать 50-тысячную группировку противника на южном фланге русского наступления, занять пространство между Одером и Вислой и силами Главной армии выйти к границе Силезии, где можно было начать переговоры с Пруссией о заключении союзного договора. Занять Варшаву и беспрепятственно очистить Польшу от наполеоновских войск русской армии позволило русско-австрийское соглашение 16–18 (28–30) января 1813 г., заключенное Кутузовым и кн. К.Ф. Шварценбергом. И хотя важность этого соглашения для успешного продолжения войны против Наполеона очевидна, обстоятельства его подписания в отечественной литературе до сих пор не прояснены и иногда излагаются неверно¹. В наиболее подробных общих работах по истории Отечественной войны 1812 г. А.И. Михайловского-Данилевского, М.И. Богдановича и Л.Г. Бескровного анализ причин возникновения и хода русско-австрийских

* **Жучков Константин Борисович**, кандидат исторических наук, старший преподаватель Псковского государственного университета.

Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 11-11-60004а/3.